

Советизация финно-угорского крестьянства (по материалам студентов ленинградского партийного вуза)

Н. В. Тихомиров

Источниковую основу исследования составили отчетные материалы студентов Ленинградского отделения Коммунистического университета национальных меньшинств Запада (ЛОКУНМЗ) им. Ю. Ю. Мархлевского, созданные в ходе и по итогам их практической работы в деревнях на северо-западе России с 1926 г по 1931 г. Объектами наблюдения стали колонии карельских, финских и эстонских крестьян. Проанализированы отчеты, дневники и выступления на конференциях учебных секторов, отразившие разнообразные факты быденной жизни финно-угорских общин в период подъема и сворачивания НЭПа и начала сплошной коллективизации в СССР. Названные документы ранее не подвергались комплексному анализу, многие вводятся в научный оборот впервые. Цель работы – выявить черты своеобразия повседневности финно-угорских меньшинств в указанный период. Рассмотрены проблемы национальной работы, роль церковных организаций в жизни крестьян и восприятие последними советской власти. Выявлены противоречия, характерные для политики «коренизации» в регионе. Прослежены изменения в отношении обывателей к большевистскому государству в контексте его социально-экономических мероприятий. Полученные выводы расширяют научные представления о быте, нравах и поведенческих установках малых народов российского Северо-Запада в период становления советской власти, культурной революции и начала колхозного строительства.

Ключевые слова: коммунистический университет, карелы, коренизация, крестьянство, КУНМЗ, национальные меньшинства, повседневность, студенчество, финны, эстонцы.

Для цитирования: Тихомиров Н. В. Советизация финно-угорского крестьянства по материалам студентов ленинградского партийного вуза // История повседневности. – 2025. – № 3. – С. 46–65. DOI: 10.35231/25422375_2025_3_46. EDN: BXLLLM

Введение

Исторические судьбы финно-угорских народов (финнов, карелов и эстонцев) на Северо-Западе России давно стали предметом научного изучения, нашли отражение в историографии. К настоящему времени созданы труды об их расселении на территории региона [1–3], демографической динамике и социально-экономических отношениях [4; 5–7; 8]. В публикациях отражены разные стороны их обыденной жизни. Получили научную проработку вопросы т. н. «коренизации», национальной работы среди названных меньшинств [9–10], их культурного развития [11–12]. Труды исследователей основаны на углубленном изучении жизни национальных групп в отдельных районах [13–15–21].

Однако ряд аспектов повседневности этих этнических групп в период становления новой общественно-политической системы остается малоизученным. Это обусловлено, среди прочего, скудостью источниковой базы, слабым вовлечением в научный оборот многих информационно насыщенных документов.

Настоящая работа призвана частично решить означенную проблему. Ее цель состоит в том, чтобы раскрыть черты своеобразия повседневной жизни финно-угорских колоний на Северо-Западе России в условиях советизации периода 1920-х – начала 1930-х гг. Оговоримся, что используем понятие «советизация» в узком смысле¹, разумея под ним идеологическую составляющую процесса всесторонних преобразований в России периода 1920–1930-х гг. Применительно к работе с крестьянским населением советизация выражалась в такой деятельности, как: 1) политическое просвещение; 2) культурно-массовая работа (борьба с религией, ликбез и пр.); 3) классовая борьба (выявление «кулаков», создание условий для их обструкции; 4) «коренизация», имевшая целью административное насаждение языков малых народов (зачастую не имевших ранее литературной нормы) в системе делопроизводства, образования и т. д. Приведенный перечень весьма условен, поскольку мероприятия разной направленности были всегда тесно переплетены и взаимообусловлены.

Агентами советизации деревни в это время становились не только партийно-правительственные учреждения в цен-

¹ В противоположность широкому толкованию данного понятия в смысле установления советской власти и соответствующих порядков.

тре и на местах, но также партийцы, комсомольцы, учителя, рабочие и другие активисты, мобилизованные советской властью на выполнение текущих задач. Особую категорию составляли студенты партийных учебных заведений (совпартшкол и коммунистических университетов), которых готовили в качестве будущих партийных кадров, и для которых участие в массовой работе являлось неотъемлемой частью обучения. Их вклад в осуществление модернизации страны и, в частности, советизацию малых народов российского Северо-Запада не изучен.

Объект настоящего исследования – материалы работы студентов ЛОКУНМЗ в сельских поселениях финнов, карелов и эстонцев на раннем этапе советского строительства; предмет – обыденная жизнь названных поселений в условиях интенсивной советизации.

Основу источниковой базы исследования образует корпус отчетных материалов о деревенской практике студентов ЛОКУНМЗ. В него входят отчеты и дневники, составленные практикантами в ходе и по результатам работы в деревне, протоколы студенческих собраний об итогах практики. Указанные документы содержатся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГА-СПИ) в составе фонда Коммунистического университета национальных меньшинств Запада им. Ю. Ю. Мархлевского. Отдельные дневники были ранее введены в научный оборот посредством документальных публикаций [22–24], но систематическому анализу подвергнуты не были.

Хронологическими границами служат 1926 и 1931 гг., что обусловлено датировкой выявленных документов. Географическая рамка охватывает Северо-Западный регион России в пределах Новгородской, Петроградской и Псковской губерний, в 1927 г. вошедших в состав Ленинградской области, и отчасти Тверской губернии (Московской области).

Работа, ведшаяся в деревне студентами ЛОКУНМЗ, имела два измерения: помощь местным партийным органам и сбор информации о жизни колонистов-нацменов. Общие установки для работы давала комиссия ЛОКУНМЗ по внеуниверситетской практике. Затем студенты направлялись в распоряжение райкомов партии, где получали назначение в конкретное место

(в основном поселения финнов, карелов или эстонцев, редко – русские поселения)¹ и задание для работы.

Задачи, поставляемые перед практикантами, зависели от содержания государственной политики в данный момент времени. Так, если на протяжении 1920-х гг. партийное руководство на местах было озабочено кооперативным строительством, то с 1929 г. упор в работе делался на создание колхозов. Прибывшим из Ленинграда студентам поручали: «...помочь в работе по слиянию колхозов <...>, содействовать в организации избы-читальни в деревне Параложке, помочь в работе среди женщин, в работе редколлегии при колхозе...» [25, л. 13]; укрепить имеющиеся колхозы и вести производственные совещания [25, л. 65]; провести коллективизацию в окружающих деревнях [25, л. 122] и т. д. Вместе с тем оставались неизменными задачи по культурному и политическому просвещению крестьянства, налаживанию работы избы-читален, борьбе с религиозностью. Также практикантов призывали обращать внимание на состояние национальной работы – «коренизации» применительно к наблюдаемым группам этнических меньшинств. Таким образом, отчетные материалы воспитанников ЛОКУНМЗ отразили различные стороны повседневной жизни эстонских, финских и карельских деревень на Северо-Западе страны.

В данной работе рассмотрим несколько таких сторон, вызывавших наиболее пристальное внимание практикантов и получивших освещение в большинстве обсуждаемых архивных документов.

Национальный вопрос в деревне

Карельские, финские и эстонские крестьяне-переселенцы в рассматриваемый период сохраняли в значительной мере культурное своеобразие, связанное, в частности, с общением на соответствующих языках. Практикант Стальберг, бывший 20 декабря 1929 г. в Волосово, записал в дневник: «Живем в “Эстонии”. Вокруг эстонцы, эстонцы» [25, л. 207 об.]. Студент финского сектора Хайконен, работавший с карельским населением летом 1928 г. в Полновском районе Новгородского округа,

¹ Выбор контингента для работы был подсказан тем, что вуз готовил кадры для работы с конкретными национальными меньшинствами. В составе Ленинградского отделения КУНМЗ действовали два сектора – финский и эстонский, для обучения на них набирали представителей соответствующих национальностей.

писал, что карелы «хотят считать себя нацменами» и желают «осуществления преподавания детям в школах финского языка» [26, л. 147]. (В отсутствие учителей и учебных материалов на карельском языке «карелизацию» проводили посредством родственного ему финского языка). Также он отмечал: «Пожилые крестьяне в 35–40 лет также говорят, что в случае, если удастся поставить учебу в школе на двух языках, и русском, и финском языке, то они также будут обучаться финскому языку» [26, л. 146 об.]. Тот же автор описывал языковую ситуацию в наблюдаемых деревнях следующим образом: «Крестьяне говорят, что 30 лет тому назад ... ни один карел ... не умел говорить по-русски; в случае если попал в деревню русский, то пришлось разъясняться знаками. В настоящее время каждый, за исключением стариков и старух 70–80 лет, умеет по-русски. Молодежь говорит большей части времени по-русски, но, несмотря на это, каждый молодой парень и девочка знают карельский язык, хотя даже и мать русская. Замечается интересное явление: когда соберется группа домохозяйств соседи, хотя бы даже покурить, то после пары-трех слов, сказанных по-русски разговор переводится на свой, карельский, язык, что подтверждает желание карельского населения сохранить за собой свой карельский родной язык» [26, л. 142 об. – 143].

Последним замечанием практикант явно выдал желаемое за действительное. Учитывая его же сообщение о том, что деревенская молодежь общалась в основном по-русски, можно предположить, что «интересное явление» было наблюдаемо среди людей старших возрастов, и вывод о желании сохранить «свой» язык применим (если применим) именно к ним. Следовательно, объявляемое желание быть «нацменами» и добиваться обучения на финском языке не было насущной потребностью крестьян, а лишь их откликом на пропагандистские послы.

В некоторых местностях языковой вопрос (точнее, соответствующая политика государства) вызывал острые противоречия. Например, студентка Данилова так описала положение в Волосовском районе: «В беседах с крестьянами очень остро всплывает вопрос школы, т. е. вопрос обучения детей на русском языке. Большинство населения хочет, чтобы дети обучались на русском языке, а в школах преподают на финском. ... были случаи, когда родители отсылали своих детей в дальние

деревни только потому, что там обучали по-русски, но РИК издал приказ о водворении детей в школу их родной деревни, где преподают по-фински. У многих крестьян такое настроение: раз дети, оканчивающие школу, не умеют по-русски, то нечего их и учить (пассивное сопротивление), и уже дальше учиться детей не посылают, да их и не берут, так как в средних школах по большей части обучают по-русски. Все население здесь больше понимает по-русски, чем родной язык» [25, л. 10 об.].

Постепенное обрусение колонистов-националов отмечали практиканты, работавшие в разных местностях. Красноречивые свидетельства об этом содержатся, например, в сообщениях студентов эстонского сектора, обслуживавших в 1926 г. районы Ленинградской области: «не мог распространить эстонских газет, потому что колонисты читают русские газеты»¹ (Троцкий уезд, Губаницкая волость) [27, л. 27]; «Все охотно говорят на русском языке, в некоторых семьях домашним языком является русский язык. ... отлично знают русские праздники ... Постройки рубятся в русский угол, в доме русская печь...» (Холмский уезд, Бологовская волость) [28, л. 37]; «эстонцы ... обрусевши (не знают родного языка), и также отсутствие национального актива, владеющего родным языком» (Великолукский уезд, Рыковская волость) [28, л. 47 об.]; «В будущем при высылке групп необходимо иметь в виду, чтобы те товарищи, которые не владеют русским языком были направлены на работу с товарищами, хорошо владеющими русским языком» (Кингисеппский уезд, Врудская волость) [27, л. 24].

Студенты финского сектора, работавшие в конце 1929 г. в ряде деревень Бежецкого уезда (тогда Московской области), отмечали: «Большая часть населения (75 %) владеет русским языком, не владеют лишь старики и дети дошкольного возраста» [27, л. 63]. Последнее создавало затруднение в работе школ, где обучение велось на русском языке, который дети (вероятно, не все) не понимали, «особенно в первых группах» [29, л. 61]. Впрочем, учитывая предыдущее замечание, можно предполагать, что освоение русского языка юными карелами происходило быстро. Для взрослых и молодежи стимулом к этому было участие в общественных мероприятиях: «В повседневной жизни применяется карельский, на собраниях и беседах

¹ Речь о таких газетах, как: Edasi, Siberi Teataja и др.

на политическую тематику – русский, т. к. карельский язык не содержит достаточного количества слов» [27, л. 63].

Другая группа финских практикантов, побывавшая в том же регионе месяцем позже, писала: «карелы порядочно уже успели срастись с русским бытом и русским языком» [29, л. 31 об.]. Студенты того же сектора, попавшие весной 1930 г. в Детскосельский район, отмечали затруднения в политической работе. Местное руководство вело ее в основном на русском языке, которым не владело население (впрочем, в отчете не содержится точных указаний о языковой ситуации, что не дает оснований полагать, будто русскую речь не понимали все поголовно) [29, л. 128 об.].

Группа, проходившая зимнюю практику 1929–1930 гг. в Лихославльском районе, сообщала, что при большой доле карельского населения все местные партработники были русскими, не понимавшими карельского языка. Финского языка также никто не понимал, но «некоторые повседневные дела» можно было «разъяснить по-русски», к чему население постепенно привыкало. «Исследование показало, – говорилось далее, – что в повседневной жизни употребляемые слова имеют корень около 90 % от финского языка и 10 % от русского, но все т. н. культурные слова – русские». В заключение авторы отчета констатировали: «В настоящее время положение такое, что русский язык, в общем и целом, более близкий к молодежи, чем финский язык» [29, л. 143–145].

Практиканты подмечали не только возрастные, но и половые различия в степени освоения нацменами русской речи. Так, студенты-финны, обслуживавшие в начале 1930 г. Парголово-Васильевский район Ленинградской области, указывали, что член ВЛКСМ из райкома владел только русским языком и не мог проводить работу, поскольку население большей частью не понимает русский язык, особенно женщины [29, л. 122].

Группа, посещавшая весной 1930 г. финскую деревню Корки-омяки под Ленинградом, сообщала, что все местные женщины не понимали русский язык. При этом руководительница политического кружка, ведшая работу среди женщин, была русской и не говорила по-фински [29, л. 108]. О языковых препонах на других направлениях работы (с беднотой, комсомольцами и пр.) в отчете не сообщено, что может указывать либо на отсутствие таковых, либо на наличие местных кадров, владевших

финской речью. Последнее представляется маловероятным с учетом сообщений большинства практикантов о повсеместной нехватке таких работников.

Рассмотренные случаи показывают, что языковая ситуация по Северо-Западному региону отличалась от места к месту, но тенденция к постепенной ассимиляции национальных общин великорусским окружением (от медленной до почти завершившейся) просматривалась повсюду.

Примечательно, что практиканты, наблюдавшие колонистов-нацменов, сами принадлежали соответствующим народностям (КУНМЗ готовил кадры для работы среди национальных меньшинств из их же представителей). Причем некоторые (указать точное число не представляется возможным) успели в значительной мере обрусеть. Об этом говорят их русские фамилии (Данилова, Потапов, Прохоров и др.), а также уверенное владение русской письменной речью. Большинство материалов о деревенской практике, представленных в архивном фонде КУНМЗ, написано довольно хорошим русским языком, что характеризует их авторов как успевших овладеть им на высоком уровне. Нельзя исключать, что отдельные лица были его носителями, успевшими забыть язык предков. Интересно сообщение одной из практиканток об общении с крестьянами: «Стальберг делал доклад, а я переводила и разъясняла крестьянам» [25, л. 5]. Дело происходило в декабре 1929 г. в эстонской деревне Весикола. Выступавший, студент эстонского сектора ЛОКУНМЗ, как явствует из документа, не владел «родным» (в большевистской фразеологии) языком. Вряд ли можно говорить о широком распространении такого явления среди студенческого контингента, однако даже в качестве единичного примера данный случай показателен – тенденция к ассимиляции воспитанников университета была неизбежной. Этому способствовала среда крупного города (Ленинграда), вуза, разнообразных общественных организаций – партийных, профсоюзных и проч. Потому отдельные студенты, набранные в учебное заведение по национальной квоте, уже являлись нацменами лишь номинально, будучи фактически великороссами по языку, поведенческим привычкам и образу мысли.

Тем более курьезным представляется их радование о национальной работе среди финно-угорских крестьян. Настоящи-

во пытаясь воплотить идеалистические установки партийно-правительственного руководства, они как будто не соотносили их с объективным ходом социально-культурных процессов, которые сами наблюдали во множестве проявлений. Корни такого, кажущегося очевидным, противоречия кроются в особенностях воспитания студентов партийного вуза. Многие из них были выходцами из пролетарской среды, либо успели значительно отдалиться от крестьянского мира (чему способствовали состояние на партийной работе, служба в армии, обучение в совпартшколе, коммунистическом университете). Потому их знания о деревне часто бывали производными от пропагандистских клише и вульгарных постулатов классовой теории. Это вело к тому, что некоторые практиканты после пребывания в сельской местности признавали, что плохо знают ее реалии. Один из них отметил в 1925 г.: «Из города наблюдать за газетными статьями не выясняется еще действительное лицо деревни»¹ [26, л. 5 об. – 6].

Показательны в этом отношении дневниковые записи студента Каратам. В начале 1930 г. он был на практике в паре с однокурсницей Нейто в поселке Синковицы (Волосовский район Ленинградской области), где проживал в доме ее семьи и обнаружил себя в «явно кулацком хозяйстве» [30, л. 144 об.]. Показателем этого был наем пастуха. Свои наблюдения он сопроводил неуклюжими рассуждениями: «Я считаю, что при хорошем желании можно было обойтись и без пастуха. Старушка могла бы пасти скот. (На 60 % надо пастуха, а на 40 % можно было бы обойтись без него)» [30, л. 143 об.]. О своей товарке он также оставил критические замечания: «Тов. Нейто А. имеет очень много “крестьянского” в себе. Она смотрит на вещи в очень сильной степени с личной стороны. Например, во время хлебозаготовительной кампании, когда ихнее хозяйство было обложено в 5 пудов, она запретила брату увезти эти 5 пудов, говоря, что тебе не надо везти хлеба, так как тебя обложили неправильно. Считаю, что такой поступок со стороны члена партии недопустим» [30, л. 143 об. – 144].

Дневник отразил нравственный конфликт между двумя людьми, принадлежавшими одному слою общества (партийцы, сту-

¹ В данном случае автор, не владевший в совершенстве русским языком, имел в виду, что он и его товарищи привыкли получать знания о деревне из публикаций в партийной печати, которые, как выяснилось, не давали полного представления о жизни крестьян.

денты коммунистического вуза), но значительно расхившими-ся во взглядах на жизнь. Каратам, происходивший из городской среды либо давно порвавший с деревней, смотрел на процессы в ней взглядом идейного коммуниста. Его товарка, сохранившая живую связь с крестьянским миром, видела проблемы последнего иначе, лучше понимая потребности и чаяния обывателей.

Религия и церковь

Объектом наблюдения студентов являлись также отношения крестьян с церковными организациями (в эстонских и финских колониях были распространены лютеранские верования). Нередко в отчетах встречаются упоминания об их существенном влиянии. Так, о положении в Куземкинском районе на начало 1930 г. студенты-финны сообщали: «Сектантство в районе развито сильно и ведут даже агитацию, что “докладов о коллективизации слушать не надо” и т. п. В одной из деревень просили открыть моленный дом и включить это в наказ сельсовету» [29, л. 73 об.]. «Сильно развитая религиозность» [29, л. 85], – читаем в отчете 1931 г. о финском Монделево-Коккелевском сельсовете (Детскосельский район). «Культурный уровень населения очень низкий. Сильно развиты разные религиозные организации» [32, л. 118–118 об.], – писали тогда же о финских поселениях Агала-товского и Кавголовского сельсоветов (Куйвозовский район). Годом ранее о том же районе указывали: «Об организации колхоза в некоторых деревнях не стоит и думать, пока они не вычищены от кулаков и их агентов религиозников» [29, л. 161 об.].

Похожее положение наблюдалось и во многих эстонских колониях. «Религиозный дурман сильнее, чем при царизме» [27, л. 106], – сообщали практиканты в 1926 г. о деревнях Гдовского уезда. В Симоно-Ложском и Новожелченском сельсоветах Лужского уезда отправление церковных обрядов носило «массовый характер» [26, л. 29 об.]. В некоторых местах религиозная жизнь протекала беспрепятственно, встречая даже поддержку со стороны местных властей. Так, председатель Камзовского сельсовета (Крестовский район) благоволил участию молодежи в церковном хоре. Находящееся в его ведении селение Бугры имело две лютеранские («эстонские») церкви, собиравшие по праздникам несколько сот прихожан, при них состояли собственные проповедники [28, л. 70 об.]. Где-то, как в Кам-

зове, обязанности священника в церкви исполнял местный крестьянин [30, л. 42 об. – 43]. В других местах богослужения проводили в частных домах, куда съезжались верующие даже из дальней округи. Такое наблюдалось в Кингисеппском [28, л. 34] и Холмском уездах [28, л. 37–37 об.].

Практиканты пытались противопоставить церковным действиям пропагандистские и просветительские мероприятия, но успех имели не везде. Один из отчетов сообщает о срыве «культурного праздника» в деревне Луговское Середкинского района: население всех возрастов отправилось в церковь на конфирмацию молодых ребят, в то время как на празднике присутствовала «горсточка своих» (видимо, местного немногочисленного актива) [30, л. 158]. «Церковники» нередко выигрывали у красных активистов соперничество за досуг обывателей. Одной из его традиционных форм было участие крестьян в церковном хоре (в котором участвовали порой даже комсомольцы [31, л. 22 об.; 28, л. 73–73 об.]). Студенты указывали в этой связи на необходимость устроить аналогичные кружки при избах-читальнях [27, л. 106]. Однако дело упиралось в нехватку подготовленных кадров культработников. В селе Каравай Полновской волости хору, руководимому псаломщиком, пытались противопоставить театральные постановки, но затея провалилась ввиду отсутствия подходящего помещения [31, л. 21 об. – 22].

Материалы студенческой отчетности отражают и явления обратного порядка, связанные с упадком религиозности среди сельских обывателей ряда поселений. «Церкви нет и священника и тому подобных также нет <...> некрещеных детей имеется» [30, л. 107 об.], – писал практикант в начале 1925 г. об эстонских колониях Путиловского уезда. По его словам, верующих среди населения осталось «не больше как до 1,5 %». В деревне Холм Крестецкого района в 1928 г. крестьяне сочувственно встретили доклад на антирелигиозную тему и признавались, что давно перестали бы посещать церковь, «да некуда идти» [33, л. 114]. В карельской деревне Микшино (Лихославльский район) к началу 1930 г. священники были разогнаны, и церкви готовили к закрытию, что вызывало сожаление лишь у немногих старожиллов [29, л. 144]. О поездке в деревню Ванго-Мыза (Монделево-Коккелевский сельсовет Детскосельского района) весной того же года студенты финского сектора рассказывали,

что до их прибытия некоторые граждане «были целиком в цепях религиозного дурмана, а теперь уже сами насмеваются над религией и спорят с другими» [29, л. 130 об.]. Там, где удавалось наладить постоянную работу культурных учреждений (красного уголка, избы-читальни), положение в корне менялось в пользу таких начинаний. Например, о деревне Клопицы Троцкого уезда еще в 1926 г. сообщали: «Религиозных обрядов нет, принимает эстонская молодежь участие в кружковых работах <...> религиозных праздников не празднуют, в церковь не ходят» [26, л. 68].

Таким образом, нацменовские деревни в Северо-Западном регионе в обсуждаемый период были весьма неоднородными с религиозной точки зрения. Богоборческий натиск не привел к быстрому разрыву обывателей с церковью и обрядовой практикой. Вместе с тем их влияние на повседневную жизнь крестьян постепенно угасало. Последние, особенно молодое поколение, судя по всему, не были набожными и рассматривали церковь как одно из немногих мест проведения досуга; сказывались и культурные привычки. Потому при появлении новых организованных форм времяпрепровождения от церкви отказывались без особого сожаления. Легче прочих этот отказ должен был ощущаться подростками, которые не успели еще основательно сжиться со многими проявлениями старины в силу незавершившейся социализации.

Отношение крестьян к советской власти

Успешность мероприятий по социалистической перестройке деревни напрямую зависела от лояльности местного населения государственному руководству и одобрения его действий. Потому особое внимание практиканты обращали на настроения крестьян. В середине 1920-х гг. они были в целом доброжелательными. В отчетах по этому поводу читаем: «Отношение к советской власти вполне удовлетворительно» [34, л. 8 об.] (Ленинградский уезд); «отношение крестьян к советской власти удовлетворительное» [34, л. 9] (там же); «Отношение крестьян к советской власти удовлетворительное» [34, л. 13] (Троцкий уезд).

В последующие годы положение менялось. Например, летом 1928 г. о ситуации в Струго-Красненском районе Лужского округа студенты писали: «Критикуют страшно наши недостатки и сравнивают их со старыми царскими насилиями. Чувствуется

у них недоверие к устойчивости советской власти, к победе социализма, и ожидают чего-то другого. Говорят, что на словах у вас все хорошо, но на деле нажимаете на крестьянина, и мы не видим лучшего и живем плохо» [33, л. 19 об.].

В том же году другой студент подробно описал настроения жителей деревни Вошково (Полновский район того же округа). «От советской власти нам ждать нечего, земля наша собственная, дайте нам спокойно работать, мы обойдемся и без власти, коммун строить мы не хотим ... только не приставайте к нам» [33, л. 74 об.], – заявляли крестьяне. Истоки противоречий автор усмотрел в том, что люди жили на выкупных участках и не желали расставаться с правом собственности. По деревне ходили слухи о скорой войне и том, что «крестьянство целиком пойдет против советской власти, ибо эта власть хуже царской» [33, л. 74 об.]. Положение усугубил возникший недостаток хлеба, и прибытие практикантов обыватели трактовали сообразно: «в Советском Союзе и в особенности в Ленинграде никакого хлеба нет, люди там голодают, коммунистам там жрать нечего, поэтому, спасаясь от голода, разъедутся по деревням, чтобы здесь кормиться» [33, л. 74 об.]. Явившись в деревню без припасов, студенты столкнулись с отказом крестьян продавать им хлеб. Хозяев, пустивших их на постой, упрекали за такое решение [33, л. 82–82 об.].

В 1930 г. с развертыванием по стране сплошной коллективизации настроения крестьян стали еще более воинственными. Студенты-финны отмечали о Муринском сельсовете (Парголовский район): «хотя в деревнях и не было ярых кулаков, но настроения массы контрреволюционные, тем более зажиточных. На собраниях они организованно выступали против советских мероприятий» [29, л. 38]. В финской деревне Минолово вестна (Ленинский район) вел «антисоветскую пропаганду» некий пастор Лауриккала. В доме одного из крестьян имелось «радио с громкоговорителем, при помощи чего привлекают в свой дом крестьян даже из соседних деревень и где тогда ведут агитацию за “крестовый поход” и против советской власти» [29, л. 135 об.].

Некоторые студенты подмечали отрицательное влияние на политические настроения обывателей слухов, распространявшихся из-за границы (со стороны Финляндии и Эстонии). Характерны такие примеры: «чувствуется очень хорошо влия-

ние белой Финляндии, так как деревня близка к границе» [29, л. 106] (деревня Коркиомяки Куйвозовского района); «влияние пропаганды из-за границы» [29, л. 156] (деревня Юдикколово, там же). Некий зажиточный крестьянин в Муринском сельсовете грозил, что «скоро с Финляндии придут люди, и всех колхозников будут вешать» [29, л. 38 об.].

Враждебные выступления допускали также представители середняков и бедноты. Весной 1930 г. студенты с трудом провели общее собрание деревни Ванго-Мыза. Член сельсовета сначала даже не позволял его начать, упирая на наличие более важных вопросов. Селяне же кричали: «Не будем контрактировать молоко и не пойдем в колхоз, катитесь к черту отсюда» [29, л. 130 об.]. «У единоличников настроения не совсем здоровые, хотя они в большинстве бедняки. Имеются настроения, что у нас колхозы развалятся, и соввласти придется опять отступить», – констатировали студенты финского сектора, посетившие весной 1931 г. Агалатовский и Кавголовский сельсоветы Куйвозовского района. Они сообщали о выступлении некоего бедняка по поводу сельхозналога: «Раньше я держал на одной руке револьвер, и на второй соха. Потом на одной винтовка, а на второй соха. А теперь соху отобрали. Осталась одна винтовка. Не знаю, куда ее направить» [32, л. 119].

Практиканты, руководившие мероприятиями по коллективизации, в частности ограблением и выселением зажиточных крестьян, ощущали возникшую для них опасность со стороны части населения. Студент, активно занимавшийся раскулачиванием в Ронковицах (Волосовский район), 20 марта 1930 г. записал в дневнике: «Привез винтовку из адмотдела¹, т. к. без оружия жить теперь, когда кулаки начинают ходить по ночам, неудобно» [25, л. 117 об.].

Интересны свидетельства студентов о событиях, вызванных появлением статьи И. В. Сталина «Головокружение от успехов». Их записи запечатлели всплеск открытого сопротивления крестьян коллективизации. «Катастрофический распад колхозов» [25, л. 65 об.], – писал практикант о Молосковицком районе вскоре после упомянутой публикации. Похожая ситуация наблюдалась в Ронковицах: едва созданную артель разом покинули почти все хозяйства. На вопрос о причинах резкой смены

¹ Административный отдел райкома ВКП(б).

настроений крестьяне ответили: «мы думали, что это обязательно, а теперь прочли в газетах, что насильно нельзя, а только добровольно» [25, л. 150].

В документах отмечаются разнообразные заблуждения сельских обывателей касаясь колхозного строительства. Весной 1931 г. студент сообщал о положении в Волеярвском сельсовете (Куйвозовский район): «население не знает задач советской власти, слишком неразвитая публика, культурных сил нет. В колхозе все 100 %, но колхоз оказался больным по пущенной провокации, что если кто не вступит в колхоз, то выселят, а поэтому все вступили, и если кто уйдет, то 3 года не примут» [32, л. 23]. Неясно, о чьей «провокации» писал автор. Вероятно, имелся в виду какой-то партийный работник, ранее проводивший работу с населением в данной местности и указанным образом пытавшийся понудить его ко вступлению в колхоз.

Крестьяне же, насколько можно судить, довольно легко поддавались грубому давлению. Показательный случай описан студентами финского сектора весной 1930 г. В деревне Агала-тово Парголовского района они выявили двоих середняков, призывавших выгнать из деревни тех, кто записался в колхоз. Для воздействия на них был приглашен сотрудник ОГПУ, после чего оба «записались в колхоз и обещали на следующий день выступить на собрании за организацию колхоза» [29, л. 118 об.]. Надо полагать, что подобные факты явного приспособленчества практиканты расценивали как признак осознания крестьянами своих заблуждений и обретения верного понимания задач советского строительства. Такое ложное понимание действительности было, по всей видимости, следствием плохого знания ими деревни и людей в целом.

Анализ документов показывает, что отношение населения к советской власти и ее представителям ухудшалось по мере роста экономического давления на деревню. Раздражение политикой большевиков резко усилилось после начала массового колхозного строительства, усугубленного общими продовольственными затруднениями. Переход же к сплошной насильственной коллективизации стал временем наибольшего недовольства и озлобленности крестьян, что ощутили на себе авторы исследуемых документов.

Обсуждение и выводы

Рассмотренные материалы показывают, что советизация финно-угорских крестьян Северо-Запада в 1920-е – начале 1930-х гг. имела противоречивые последствия. Усилия, прилагаемые агентами советской власти для преобразования деревни, не всегда и не всюду были правильно понимаемы обывателями, часто возбуждали в них враждебность. Если просветительские мероприятия, как правило, находили живой отклик в крестьянской среде, то попытки насаждения классового антагонизма и ведения антирелигиозной пропаганды часто не встречали сочувствия, порождая пассивное сопротивление. Еще большее недовольство вызывала коллективизация.

Такое положение объясняется тем, что крестьянская масса в целом не выказывала интереса к политике как таковой, но остро воспринимала посягательства на собственные хозяйственные интересы, привычный бытовой уклад и традиционные ценности. Таким образом, конфликты, сопутствовавшие распространению новых порядков, имели не идеологические, а экономические и нравственные причины. Отношение деревенского населения к советскому руководству находилось в зависимости от того, насколько напористо и жестко последнее пыталось насаждать новые порядки. Это показывает, что, во-первых, на протяжении 1920-х гг. колонисты-нацмены в повседневной жизни оставались нередко приверженными старине, трудно усваивая представления и навыки новой культурной модели. Во-вторых, отношение к большевистскому государству напрямую зависело от степени вмешательства последнего в имущественные и хозяйственные отношения обывателей.

В то же время отказ от прежних устоев происходил зачастую помимо целенаправленной работы реформаторов. Это хорошо видно по тому, как изменялось отношение крестьян к институту церкви, терявшему культовое значение и все более выполнявшему функцию обеспечения досуга.

Национальная политика большевиков, напротив, осуществлялась часто вопреки тенденциям развития малых этнических групп. «Коренизация» финно-угорского крестьянства оказывалась оторванной от жизни, не учитывала действительного положения вещей, а именно закономерного обрусения коло-

нистов, которые порой даже противились навязывавшемуся обучению на «родном» языке.

Список литературы

1. Манаков А. Г. Изменение национального состава населения Северо-Запада России с 1897 по 1959 гг. // Псковский регионологический журнал. 2016. № 2 (26). С. 62–87. EDN: XBOEOX
2. Мусаев В. И. Эстонская диаспора на Северо-Западе России во второй половине XIX – первой половине XX вв. СПб.: Нестор, 2009. 212 с. EDN: RYVPNT
3. Ступин Ю. А. Эстонская диаспора на Северо-Западе России в 20–30-е гг. XX в.: итоги переселенческого движения // Балтийский регион. 2010. № 4. С. 83–90. EDN: NBNQKH
4. Андриайнен С. В. Национальные меньшинства Ленинградской области в 1920-е гг.: расселение и хозяйственные занятия // Высокие интеллектуальные технологии в науке и образовании: материалы I Международной научно-практической конференции. СПб.: Информационный издательский учебно-научный центр «Стратегия будущего», 2017. С. 9–14. EDN: WCNQLA
5. Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа. Петрозаводск: Барс, 1998. 321 с.
6. Ломанов В. А. Социально-экономическое положение национальных меньшинств Северо-Запада РСФСР в 1920-е гг. (на примере немцев, финнов и эстонцев) // Этнические меньшинства в истории России: материалы IV Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 2023. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2023. С. 149–155. EDN: VLYYWW
7. Маамяги В. А. Эстонцы в СССР, 1917–1940. 2-е изд. М.: Наука, 1990. 198 с.
8. Народы Карелии: историко-этнографические очерки / отв. ред. И. Ю. Винокурова. Петрозаводск: Периодика, 2019. 752 с. EDN: WNFORH
9. Деннингхаус В. Национальная политика в РСФСР в отношении нацменьшинств Запада во второй половине 1920-х гг. (на примере Ленинградской области) // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. 2015. № 1. С. 49–58. EDN: WKCOOH
10. Попов А. А., Куапала П. Новая советская национально-языковая политика в Карелии и Коми в условиях НЭПа: карелизация/финизация и зырянизация // Социокультурная динамика российской северной провинции: история и современность (на материалах республики Коми). Сыктывкар: Коми республиканская академия государственной службы, 2016. С. 113–122. EDN: YPQSKV
11. Бландов А. А. Малоизвестные группы карел за пределами Карелии: история ассимиляции и современное состояние // Альманах североευропейских и балтийских исследований. 2020. № 5. С. 238–245. EDN: LJGBVY
12. Бландов А. А. «Нас все корелякам звали, а мы карельского языка не знаем»: субэтническая группа валдайских карел в XX и начале XXI в. // Финно-угорский мир. 2014. № 4. С. 78–83. EDN: ТКБЕЕЛ
13. Ефимов А. Н. Эстонские евангелическо-лютеранские общины на Стругокрасенской земле // Псков. Научно-политический, историко-краеведческий журнал. 2018. № 49. С. 46–104. EDN: YOWNVB
14. Золотарев Д. А. Этнический состав населения Северо-Западной области и Карелии. Л.: АН СССР, 1928. 117 с.
15. Национальные меньшинства Ленинградской области: Сборник материалов / сост. П. М. Янсон. Л.: Орготдел Ленинградского Облсполкома, 1929. 103 с.
16. Тамби С. А. Клопицы: из истории эстонского православия // Этносоциум и международная культура. 2024. № 3 (189). С. 153–167. EDN: UIDTWS
17. Тамби С. А. Лужские эстонцы // Финно-угорский мир. 2017. № 2. С. 85–92. EDN: ZDPHNL
18. Тамби С. А. Плюские эстонцы: из этнической истории северо-запада России (по материалам периодики) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. № 2. С. 293–311. DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-2-293-311 EDN: WPCIAF

19. Тамби С. А. Струго-красненские эстонцы: история и современность // Ежегодник финно-угорских исследований. 2018. № 2. С. 107–128. EDN: XUMOTZ

20. Тамби С. А. Эстонская диаспора на Дновской земле // Academy. 2019. № 7 (46). С. 35–46. EDN: LENDPU

21. Тамби С. А. Эстонская община в городе Торопце // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 7 (169). С. 99–143. EDN: DNMBLN

22. Тихомиров Н. В. Отражение повседневности карельских деревень Новгородчины конца 1920-х гг. в дневнике студенческой практики // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2024. № 3(54). С. 503–512. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.3(54).503-512. EDN: PBFZMS

23. Тихомиров Н. В. Повседневность карелов Новгородчины в наблюдениях студента-коммуниста (по материалам дневника деревенской практики 1928 года) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 4. С. 43–48. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1041. EDN: PZWTFs

24. Тихомиров Н. В. «Советского влияния как такового совершенно нет»: новый источник по истории деревенской повседневности 20-х гг. XX века // Вестник Государственного социально-гуманитарного университета. 2024. № 4 (56). С. 18–29. EDN: KGWZEO

25. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 529. Оп. 24. Д. 349 в.

26. РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 24. Д. 181.

27. РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 24. Д. 233.

28. РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 24. Д. 282.

29. РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 24. Д. 347.

30. РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 24. Д. 235.

31. РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 24. Д. 231.

32. РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 24. Д. 397.

33. РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 24. Д. 197.

34. РГАСПИ. Ф. 529. Оп. 24. Д. 230.

Sovietization of the Finno-Ugric Peasantry Based (on the Materials of the Leningrad Party University Students)

Nikita V. Tikhomirov

The research was based on the reporting materials of students of the Leningrad Branch of the Communist University of National Minorities of the West named after Yu. Yu. Markhlevsky, created during and following their practical work in villages in North-Western Russia in 1926–1931. Colonies of Karelian, Finnish and Estonian peasants became the objects of observation. The reports, diaries and speeches at conferences of educational sectors, reflecting various facts of everyday life of Finno-Ugric communities during the rise and collapse of the NEP and the beginning of continuous collectivization in the USSR are analyzed. These documents have not previously been subjected to a comprehensive analysis, a lot of them are introduced into scientific circulation for the first time. The work is aimed to identify the distinctive features of the everyday life of the Finno-Ugric minorities during this period. Problems of national work, the role of church organizations in peasants' life, and the latter's perception of Soviet power are considered. The contradictions characteristic of the policy of "korenization" in the region are revealed. The changes in the inhabitants' attitude towards the Bolshevik state in the context of its socio-economic activities are traced. The findings expand scientific understanding of the way of life, customs, and behavioral attitudes of the small peoples of the Russian North-West during the formation of Soviet power, the cultural revolution, and the beginning of collective farm construction.

Key words: communist university, Karelians, korenization, peasantry, KUNMZ, national minorities, everyday life, students, Finns, Estonians.

For citation: Tikhomirov, N. V. (2025) Sovetizatsiya finno-ugorskogo krest'yanstva (po materialam studentov leningradskogo partiynogo vuz'a) [Sovietization of the Finno-Ugric Peasantry Based (on the Materials of the Leningrad Party University Students)]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 3. Pp. 46–65. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_3_46. EDN: BXLLLM

References

1. Manakov, A. G. (2016) Izmenenie nacional'nogo sostava naseleniya Severo-Zapada Rossii s 1897 po 1959 gg. [Changes in the national composition of the population of the North-West of Russia from 1897 to 1959]. *Pskovskii regionologicheskii zhurnal* [Pskov Regionological Journal]. No. 2 (26). Pp. 62–87. (In Russ.). EDN: XBEOEX
2. Musaev, V. I. (2009) *Estonskaia diaspora na Severo-Zapade Rossii vo vtoroi polovine XIX – pervoi polovine XX vv.* [The Estonian Diaspora in North-Western Russia in the second half of the 19th – first half of the 20th centuries]. St. Petersburg: Nestor. (In Russ.). EDN: RYVPNT
3. Stupin, Iu. A. (2010) Estonskaia diaspora na Severo-Zapade Rossii v 20–30-e gg. XX v.: itogi pereselencheskogo dvizheniia [The Estonian Diaspora in Northwestern Russia in the 20–30s of the 20th century: the results of the settlement movement]. *Baltiiskii region* [Baltic Region]. No. 4. Pp. 83–90. (In Russ.). EDN: NBHQKH
4. Andriainen, S. V. (2017) Natsional'nye men'shinstva Leningradskoi oblasti v 1920-e gg.: rasselenie i khoziaistvennye zaniatiia [National minorities of the Leningrad Region in the 1920s: settlement and economic activities]. *Vysokie intellektual'nye tekhnologii v nauke i obrazovanii* [High intellectual technologies in science and education]. Proceedings of the First International Scientific and Practical Conference. Saint Petersburg, The Strategy of the Future. 2017. Pp. 9–14. (In Russ.). EDN: WCNQLA
5. Kirkinen, H., Nevalainen, P., Sihvo, H. (1998) *Istoriya karel'skogo naroda* [The history of the Karelian people]. Petrozavodsk: Bars. (In Russ.)
6. Lomanov, V. A. (2023) Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie natsional'nykh men'shinstv Severo-Zapada RSFSR v 1920-e gg. (na primere nemtsev, finnov i estontsev) [The socio-economic situation of the national minorities of the North-West of the RSFSR in the 1920s (using the example of Germans, Finns and Estonians)]. *Etnicheskie men'shinstva v istorii Rossii* [Ethnic minorities in the History of Russia]. Proceedings of the 4th International Scientific Conference. St. Petersburg: LGU im. A. S. Pushkina. Pp. 149–155. (In Russ.). EDN: VLYYWW
7. Maamiagi, V. A. (1990) *Estontsy v SSSR, 1917–1940* [Estonians in the USSR, 1917–1940]. Moscow: Science. (In Russ.)
8. Vinokurov, I. Yu. (2019) (ed.) *The peoples of Karelia: historical and ethnographic essays* [The peoples of Karelia: historical and ethnographic essays]. Petrozavodsk: Periodika. (In Russ.). EDN: WNFOPH
9. Denningkhaus, V. (2015) Natsional'naia politika v RSFSR v otnoshenii natsmen'shinstv Zapada vo vtoroi polovine 1920-kh gg. (na primere Leningradskoi oblasti) [National policy in the RSFSR in relation to the national minorities of the West in the second half of the 1920s (on the example of the Leningrad region)]. *Ezhegodnik Mezhdunarodnoi assotsiatsii issledovatelei istorii i kul'tury rossiiskikh nemtsev* [Yearbook of the International Association of Researchers of the History and Culture of Russian Germans]. No. 1. Pp. 49–58. (In Russ.). EDN: WKCOOH
10. Popov, A. A., Kuappala, P. (2016) Novaya sovetskaya nacional'no-yazykovaya politika v Karelii i Komi v usloviyakh NEPA: karelizatsiya/finizatsiya i zyryanizatsiya [The New Soviet national language policy in Karelia and Komi in the conditions of the NEP: Karelianization/Finization and Zyryanization]. *Sociokul'turnaya dinamika rossijskoi severnoy provincii: istoriya i sovremennost' (na materialakh respubliki Komi)* [Socio-cultural dynamics of the Russian Northern Province: history and Modernity (based on the materials of the Komi Republic)]. Syktyvkar: Komi respublikanskaya akademiya gosudarstvennoy sluzhby. Pp. 113–122. (In Russ.). EDN: YPQSKB
11. Blandov, A. A. (2020) Malozvestnye grupy karel za predelami Karelii: istoriya assimilyatsii i sovremennoe sostoyanie [Little-known Karelian groups outside the Karelian republic. History of assimilation and current state]. *Al'manah severoevropejskikh i baltiiskikh issledovanij* [Nordic and Baltic Studies Review]. No. 5. Pp. 238–245. (In Russ.). EDN: LJGBVY
12. Blandov, A. A. (2014) “Nas vse korelyakam zvali, a my karel'skogo yazyka ne znaem”: subetnicheskaya grupa valdajskikh karel v XX i nachale XXI v. [“We were all called Korelyaks, and we don't know the Karelian language”: a subethnic group of Valdai Karelians in the 20th and early 21st centuries]. *Finno-ugorskij mir* [Finno-Ugric World]. No. 4. Pp. 78–83. (In Russ.). EDN: TKBEEL
13. Efimov, A. N. (2018) Estonskie evangelicheskoe-liuteranskie obshchiny na Strugokrasnenskoj zemle [Estonian Evangelical Lutheran communities on Strugokrasnensky land]. *Pskov. Nauchno-politicheskii, istoriko-kraevedcheskii zhurnal* [Pskov. Scientific, political, historical and local history journal]. No. 49. Pp. 46–104. (In Russ.). EDN: YOWNVB
14. Zolotarev, D. A. (1928) *Etnicheskie sostav naseleniia Severo-Zapadnoi oblasti i Karelii* [Ethnic composition of the population of the North-Western region and Karelia]. Leningrad: USSR Academy of Science. (In Russ.)
15. Janson, P. M. (1929) (ed.). *Natsional'nye men'shinstva Leningradskoi oblasti. Sbornik materialov* [National minorities of the Leningrad region: Collection of materials]. Leningrad: Orgodel Leningradskogo Oblispolkoma. (In Russ.). EDN: YOWNVB

16. Tambi, S. A. (2024) Klopitsy: iz istorii estonskogo pravoslavia [Klopitsy: from the history of Estonian Orthodoxy]. *Etnosotsium i mezhdunarodnaia kul'tura* [Ethnosocium and international culture]. No. 3 (189). Pp. 153–167. (In Russ.). EDN: UIDTWS
17. Tambi, S. A. (2017) Luzhskie estontsy [Luga Estonians]. *Finni-ugorskii mir* [The Finno-Ugric world]. No. 2. Pp. 85–92. (In Russ.). EDN: ZDPHNL
18. Tambi, S. A. (2019) Plusskie estontsy: iz etnicheskoj istorii severo-zapada Rossii (po materialam periodiki) [Pluss Estonians: from the ethnic history of the North-West of Russia (based on periodicals)]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. Vol. 13. No. 2. Pp. 293–311. (In Russ.). EDN: WPCIAF
19. Tambi, S. A. (2018) Strugo-krasenskie éstontsy: istoriia i sovremennost' [The Strugo-Krasnye Estonians: History and modernity]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. No. 2. Pp. 107–128. (In Russ.). EDN: XUMOTZ
20. Tambi, S. A. (2019) Estonskaia diaspora na Dnovskoi zemle [The Estonian Diaspora in the Dnovskaya land]. *Academy* [Academy]. No. 7 (46). Pp. 35–46. (In Russ.). EDN: LENDPU
21. Tambi, S. A. (2022) Estonskaia obshchina v gorode Toroptse [Estonian Community in the City of Toropets]. *Etnosotsium i mezhdunarodnaia kul'tura* [Ethnosocium and international culture]. No. 7 (169). Pp. 99–143. (In Russ.). EDN: DNMBLN
22. Tikhomirov, N. V. (2024) Otrazhenie povsednevnosti karel'skikh dereven' Novgorodchiny kontsa 1920-kh gg. v dnevnike studentcheskoj praktiki [Reflection of the everyday life of Karelian villages of Novgorod region in the late 1920s in the diary of student practice]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of the Novgorod State University]. No. 3 (54). Pp. 503–512. (In Russ.). EDN: PBFZMS
23. Tikhomirov, N. V. (2024) Povsednevnost' karelov Novgorodchiny v nabliudeniakh studenta-kommunisty (po materialam dnevnika derevenskoj praktiki 1928 goda) [Everyday life of Karelians in Novgorod region in the observations of a Communist student (based on the materials of the diary of village practice in 1928)]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Petrozavodsk State University]. Vol. 46. No. 4. Pp. 43–48. (In Russ.). EDN: PZWTF5
24. Tikhomirov, N. V. (2024) "Sovetskogo vliianiia kak takovogo sovershenno net": novyi istochnik po istorii derevenskoj povsednevnosti 20-kh gg. XX veka ["There is absolutely no Soviet influence as such": a new source on the history of rural everyday life in the 20s of the 20th century]. *Vestnik Gosudarstvennogo sotsial'no-gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the State Social and Humanitarian University]. No. 4. Pp. 18–29. (In Russ.). EDN: KGWZEO
25. Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoi istorii [The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI)] (hereinafter – RGASPI). F. 529. Op. 24. D. 349 v.
26. RGASPI. F. 529. Op. 24. D. 181.
27. RGASPI. F. 529. Op. 24. D. 233.
28. RGASPI. F. 529. Op. 24. D. 282.
29. RGASPI. F. 529. Op. 24. D. 347.
30. RGASPI. F. 529. Op. 24. D. 235.
31. RGASPI. F. 529. Op. 24. D. 231.
32. RGASPI. F. 529. Op. 24. D. 397.
33. RGASPI. F. 529. Op. 24. D. 197.
34. RGASPI. F. 529. Op. 24. D. 230.

Об авторе

Тихомиров Никита Вадимович, кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация; e-mail: tihomirov_n@rambler.ru; ORCID ID: 0000-0002-2808-3763

About the author

Tikhomirov Nikita V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Source Studies, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation; e-mail: tihomirov_n@rambler.ru; ORCID ID: 0000-0002-2808-3763

Статья поступила в редакцию 14.06.2025
Одобрена после рецензирования 25.06.2025
Принята к публикации 08.07.2025